

Советский «гендерный контракт» и его трансформация в постсоветский и современный периоды в России

Научный руководитель – Грабельных Татьяна Ивановна

Лазарева Анастасия Андреевна

Студент (бакалавр)

Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, Кафедра социальной философии и социологии, Иркутск, Россия

E-mail: lazarevanastya03@mail.ru

Изучение социального положения женщин требует анализа не только объективных статистических показателей, но и системы негласных социальных соглашений, определяющих ожидания относительно «должного» поведения. В современной социологии для описания этой системы используется понятие «гендерный контракт» – доминирующие в обществе на конкретном историческом этапе правила взаимодействия полов, предписывающие разделение сфер ответственности в публичной (профессиональная занятость, политическое участие) и приватной (семья, домашнее хозяйство) сферах [2].

Формирование советского гендерного порядка происходило в условиях форсированной индустриализации и мобилизационной экономики. Доминирующей моделью стал контракт «работающей матери». Его сущность заключалась в обязательном совмещении женщиной трех социальных функций: полноценного участия в общественном производстве («строительство коммунизма»), репродуктивного труда (воспроизводство населения) и ведения домашнего хозяйства в условиях хронического дефицита товаров и услуг [1].

Несмотря на создание государством разветвленной социальной инфраструктуры (детсады, столовые, лагеря), качество услуг оставалось низким, что перекладывало основную заботу о семье на женщину. Это породило феномен «тройной нагрузки»: после оплачиваемой работы женщина выполняла «вторую смену» по дому и уходу за детьми. Участие мужчины в быте воспринималось не как обязанность, а как «помощь», закрепляя асимметричное распределение домашних обязанностей. Статус домохозяйки был фактически недоступен, так как государство стимулировало (а часто и принуждало) поголовную занятость женщин.

Распад СССР и переход к рыночной экономике привели к демонтажу прежних социальных структур и появлению новых экономических возможностей, наряду с беспрецедентной безработицей. В этих условиях сформировался альтернативный гендерный контракт – контракт «домохозяйки». Его появление было обусловлено, с одной стороны, вытеснением женщин с рынка труда в связи с кризисом традиционных отраслей, а с другой – возникновением класса состоятельных предпринимателей, способных обеспечить семью единолично [2].

В отличие от западной модели, основанной на индивидуальном выборе, в России 1990-х годов статус домохозяйки приобрёл символическое значение, став маркером успешности мужа. Однако социологические исследования фиксируют высокую уязвимость такого контракта для женщины: длительный перерыв в работе вёл к потере квалификации, социальных связей и пенсионных прав. Экономическая зависимость от супруга в условиях нестабильного рынка создавала серьёзные риски обеднения в случае развода или потери кормильцем дохода. К началу 2000-х, с ростом сферы услуг и стабилизацией экономики, эта модель утратила привлекательность, уступив место ценностям женской карьеры и финансовой независимости [5].

Для современного этапа характерно отсутствие единой доминирующей модели. Социологи фиксируют состояние, определяемое как «ценностный дуализм», при котором в обществе сосуществуют и конкурируют две разнонаправленные тенденции.

С одной стороны, наблюдается усиление неотрадиционалистского дискурса. На государственном уровне декларируется приверженность «традиционным ценностям», в рамках которых акцентируется роль женщины как матери и «хранительницы очага». Социологические опросы фиксируют высокий уровень поддержки населением традиционных моделей семьи. В частности, данные ВЦИОМ и кросс-культурные исследования показывают, что российское общество (до 71% респондентов) входит в число наиболее консервативных в мире по вопросу предпочтительности традиционных гендерных ролей [5].

С другой стороны, экономические реалии и уровень образования женщин (в России женщины в среднем имеют более высокий уровень образования, чем мужчины) объективно требуют их полной вовлеченности в рынок труда. Доля работающих женщин остается стабильно высокой, сопоставимой с занятостью мужчин. Заработная плата мужчины в большинстве домохозяйств не позволяет полностью содержать семью, особенно в условиях ипотечного кредитования и потребительской инфраструктуры.

В современном обществе возникает нормативно-ролевая перегрузка: от женщины одновременно требуют карьерной успешности (и значительного вклада в бюджет) и соответствия идеализированному образу заботливой матери и жены. Это ведет к воспроизводству советской модели «работающей матери»: занятость вне дома не освобождает женщину от основного объема неоплачиваемого домашнего труда. Согласно данным ФНИСЦ РАН, женщины тратят на домашние обязанности в три раза больше времени, чем мужчины. Данный феномен «невидимой экономики» напрямую связан с более низкими позициями женщин на рынке труда и сохранением гендерного разрыва в оплате труда [3].

Эволюция гендерного контракта в российском обществе представляет собой сложный, нелинейный процесс. От модели принудительной эмансипации советского периода через непродолжительный этап легитимации статуса домохозяйки в 1990-е годы общество пришло к состоянию ценностного дуализма.

В настоящее время отсутствует универсальный гендерный контракт, единый для всех социальных страт. В крупных городах среди образованного среднего класса получает распространение эгалитарная модель, предполагающая более равномерное распределение обязанностей. В то же время на уровне официальной идеологии и в массовом сознании значительной части населения сохраняются устойчивые патриархальные установки.

В заключение отметим, что ключевой социальной проблемой остается институциональное и символическое обесценивание неоплачиваемого домашнего труда, который продолжает восприниматься как «естественная» женская обязанность. По различным оценкам, его вклад в экономику может достигать 25% от ВВП [6], однако отсутствие механизмов его учета и компенсации (в пенсионной системе, в случае развода) усугубляет экономическую уязвимость женщин и воспроизводит гендерное неравенство. Преодоление разрыва между декларируемыми ценностями и повседневными практиками является одной из ключевых задач для достижения социальной справедливости и снижения нагрузки на женщин в современной России.

Источники и литература

- 1) Здравомыслова Е. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 3/4. – С. 299-321.
- 2) Темкина А. А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России / А. А. Темкина, А. Роткирх // Социологические Исследования. – 2002. – С.

4-15.

- 3) Хоткина З. А. Видимые последствия «невидимой» домашней экономики // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении. – 2023. – С. 207-209.
- 4) Чернова Ж. В. Насилие в отношении женщин как часть актуальной гендерной повестки / Ж. В. Чернова, Л. Л. Шпаковская // Социодиггер. – 2020. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-otnoshenii-zhenschin-kak-chast-aktualnoy-gendernoy-povestki> (дата обращения: 25.02.2026).
- 5) В России растет запрос на традиционные ценности вместо гендерной идеологии [Электронный ресурс] – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/10/08/1145081-v-rossii-rastet-zapros-na-traditsionnie-tsennosti> (дата обращения: 25.02.2026).
- 6) «Домашний труд» и его цена [Электронный ресурс] – URL: <https://books.econ.msu.ru/Demography/chap12/12.7/> (дата обращения: 25.02.2026).